

УДК 355(519:571.5/.6)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102>

Корейцы в Красной армии. К проблеме русско-корейских взаимоотношений в Советском Союзе

В. Г. Дацышен

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия*

Аннотация. Рассматриваются проблемы службы корейцев в Красной армии. Отмечается, что корейцы, как российские граждане, так и эмигранты из Кореи, добровольно вступали в Красную армию с первых дней ее существования, а затем советские корейцы призывались в нее на общих основаниях. Особое внимание уделяется проблемам русско-корейских взаимоотношений. Делается вывод о том, что отсутствие в Красной армии расовой и национальной дискриминации не исключало проблем и противоречий во взаимоотношениях между русскими и корейскими военнослужащими, но эти проблемы не оказывали серьезного влияния на боеспособность Красной армии.

Ключевые слова: корейцы в Красной армии, Сибирь и Дальний Восток, 26-я стрелковая дивизия, межнациональные отношения.

Для цитирования: Дацышен В. Г. Корейцы в Красной армии. К проблеме русско-корейских взаимоотношений в Советском Союзе // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 102–110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102>

В истории корейцев, проживавших в Советском Союзе, остаются недостаточно изученные вопросы и проблемы. В их числе вопросы межнациональных отношений в армии, в том числе и русско-корейских взаимоотношений. Исследователи справедливо отмечают: «Вопрос о службе представителей корейской этнической общности в Красной армии... слабо разработан в российской историографии» [9, с. 107].

Корейская община в России начала формироваться с 1860-х гг. Корейцы-переселенцы не просто селились на территории вошедшего в состав Российской империи Южно-Уссурийского края, но крестились в православие, отдавали своих детей в школу, принимали в российское подданство. Новые русские подданные, как и переселенцы из западных районов России, были освобождены от воинской повинности. Лишь изредка российские корейцы привлекались к обеспечению мобилизационных мероприятий и защите границ.

Законом от 18 марта 1909 г. было установлено: «Русское население и состоящие в русском подданстве корейцы привлекаются на общих основаниях

согласно Уставу 1906 г.»¹ Российские корейцы принимали участие в Первой мировой войне. В 1917 г. в числе офицеров, перешедших на сторону большевиков, были и корейцы, например подпоручик Петр Петрович Цой [10, с. 201].

Корейцы приняли активное участие в Гражданской войне и борьбе с иностранной вооруженной интервенцией в России в 1918–1922 гг. В напечатанном в газете «Известия» 15 августа 1919 г. сообщении о митинге корейцев в Москве говорилось: «При большом подъеме собрания красный офицер-кореец тов. И (Уй-Чжон), начальник пулеметной команды N-ского стрелкового полка, отличившийся при взятии Уфы... предлагает обратиться к Советскому правительству с просьбой мобилизовать всех находящихся в России и Сибири корейцев»². С частями Красной армии, как правило в составе объединенных китайско-корейских или интернациональных отрядов, корейские красноармейцы пришли в Сибирь [7]. В 1920 г. в Омске функционировали Корейские командные курсы³.

В Восточной Сибири Красная армия получила пополнение и из числа немногочисленных местных корейцев, а также за счет корейских партизан Дальнего Востока. Но первоначально большевики в Сибири не доверяли местным корейцам, делая ставку на проверенные кадры с запада. В документах Восточного секретариата Исполкома Коминтерна указано: «Приказом Главкома НарРевАрмии ДВР 5 мая 1920 года за № 93 было положено начало формированию 1 Сибирского Стрелкового полка из китае-корейцев. Кадром или вернее основу этой единицы должна была войти Восточная группа Китае-корейцев, оставленная Главкомом ДВР в гор. Иркутске временно в распоряжении ГубВоенкомата и все те добровольцы Китае-корейцы, которые состоят в рядах Красной Армии и которые согласно секретного приказа РевВоенСовета 5 данного в апреле в гор. Красноярске ЗапСибу должны были по концентрации их в городах Омске и НовоНиколаевске, направляться в НарРевАрмию для укомплектования вновь формируемого полка... Все пополнения в полк пришли из воинских частей СоветРоссии и ни один китаец и кореец не был принят добровольцем в ряды полка»⁴.

Известный деятель корейского революционного движения Ли Инсеб, живший в России с 1913 г., писал: «Под руководством Янсона в г. Иркутске я участвовал в организации интернациональных частей при 5-й Красной Армии» [1, с. 122]. В июне 1920 г. для пополнения 1-го Сибирского стрелкового полка, переименованного в Интернациональный полк 5-й армии, «прибыло 80 человек корейцев с командных 1 Советских курсов в гор. Омске»⁵. В целом, говоря о проблемах формирования «стрелкового полка из китае-корей-

¹ Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) / сост. М. С. Иоффе. СПб. : Право, 1913. С. 49.

² Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. С. 33.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.1. Оп.1. Д. 452. Л. 4.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 44. Л. 6.

цев» в Иркутске, следует отметить, что комплектование его проходило в основном за счет красноармейцев-китайцев, присланных с запада, корейцы здесь были в явном меньшинстве.

Несмотря на малочисленность, корейские красноармейцы играли важную роль в усилении боеспособности китайско-корейских воинских частей в непростых условиях продолжавшейся Гражданской войны в России. В докладе помощника командира Интернационального полка по политической части Колесова в Восточную секцию ЦК РКП(б) говорилось: «Главная масса кр-цев китайцы, которые совершенно темны и не развиты политически, а большинство совершенно не говорят по русски... Вторая часть красноармейцев корейцы, те более развиты, многие говорят по русски, а часть даже грамотна...»⁶ Исследователи пишут: «В двух корейских полках, дислоцировавшихся в сентябре 1921 г. в Иркутске, насчитывалось 1640 чел.» [8, с. 166].

Корейские красноармейцы в составе Красной армии стали опорой создаваемого в Восточной Сибири корейского коммунистического движения. На встрече делегатов съезда Корейской компартии в Иркутске в марте 1921 г., как сообщала газета «Власть труда», «сильную приветственную речь сказали красноармеец одной из частей корейской красной армии...»⁷.

После окончания Гражданской войны часть служивших в Красной армии корейцев были демобилизованы и вовлечены в социалистическое строительство на Дальнем Востоке. Например, 29 демобилизованных красноармейцев Отдельного корейского полка при 5-й армии в конце 1922 г. были объединены во 2-ю Сучанскую трудовую земледельческую артель. В докладе известного корейского деятеля Ким Мангына по вопросу сохранения сельскохозяйственной коммуны «Красная Звезда» от 22 августа 1925 г. отмечалось: «Необходимо учесть, что члены коммуны (100 %), по демобилизации из Красной Армии и партизанских отрядов по окончании гражданской войны, были поставлены перед необходимостью работы уже изнуренными и даже некоторые больными» [6, с. 143].

Немало корейцев после войны остались служить в Красной армии на командных должностях. Исследователи указывают: «Для подготовки политработников в декабре 1921 г. были сформированы Корейская и Китайская секции при военно-политических курсах 5-й армии и ВСВО... В Корейской секции на 1 января 1922 г. обучалось 66 курсантов» [8, с. 167–168]. В числе курсантов был, например, известный политический деятель Ли Бэкчо.

В Советском Союзе корейцы, как и представители других национальных общин, несли воинскую повинность, служили в армии. По вопросу гражданства корейцев, приехавших в начале XX в. из Кореи и Маньчжурии на заработки, но так и оставшихся жить по всей территории Сибири, у советских властей не было единого мнения. Если эти корейцы попадали в Красную армию, это не вызвало заметных проблем. Вообще, советское руководство в отношении корейцев проводило наиболее либеральную политику по сравнению

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 20. Л. 19.

⁷ Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918-1937 гг. М. : Институт востоковедения РАН, 2004. С. 57.

с выходцами из других стран. В частности, доля корейцев, получивших советское гражданство, от общего числа поданных ходатайств была самой высокой. В документе «Статистические сведения о движении ходатайств о признании ИНО гражданства по Западно-Сибирскому краю по данным на 1 апреля 1932 года» указывается, что из 44 подавших заявление корейцев 36 гражданство получили, в то время как по китайцам соотношение было 36 из 54, немцев – 32 из 66, венгров – 9 из 90 и т. д.⁸

Что касается советских корейцев, компактно проживавших на юге Приморья и принявших российское подданство и православие до революции 1917 г., то их правовой статус и фактическое положение в СССР ничем не отличались от статуса и положения русского населения региона. Но при этом корейские крестьяне, выросшие в корейской монокультурной среде, были недостаточно адаптированы к русскому культурному пространству. Призыв этой группы населения на службу в Вооруженные силы Советского Союза, где у подавляющего большинства русских красноармейцев из крестьян не было опыта совместного проживания с представителями других национальностей, имел своим следствием проблемы межнациональных взаимоотношений.

В 1920-х гг. призванные в кадровые части Красной армии корейцы в основном служили в частях и подразделениях Сибирского военного округа [4]. В конце 1920-х гг. призывники отправлялись в том числе в расквартированный в г. Канске 76-й Карельский стрелковый полк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Корейцами был укомплектован первый батальон этого полка. С 1930 по 1937 г. командиром батальона 76-го полка 26-й стрелковой дивизии был Ф. И. Ким, вступивший в Красную армию еще в 1920 г.

Корейское присутствие в 26-й Златоустовской стрелковой дивизии в целом во многом было знаковым. Например, в опубликованной в 1925 г. книге «История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии» был помещен портрет призванного из Приморья красноармейца-корейца Петра Кима, который был указан как стрелок 6-й роты 78-го Казанского стрелкового полка [5, с. 64]. На многочисленных фотографиях из альбомов 76-го Карельского стрелкового полка, сохранившихся в фондах Канского краеведческого музея, постоянно встречаются лица корейцев. Заметным было корейское присутствие и в расквартированных в Западной Сибири частях Красной армии. Например, много корейцев было в 35-м Татарском стрелковом полку 12-й территориальной стрелковой дивизии⁹.

Наличие значительного числа красноармейцев-корейцев в воинских частях создавало проблемы. В практически монорасовоэтнических районах Сибири имелись целые подразделения, укомплектованные не только отличающимися внешне, но и не владевшими русским языком солдатами. Среди русских красноармейцев имели место проявления великорусского шовинизма, а корейцы активно требовали, чтобы командование учитывало их национальные особенности. Например, красноармейцы-корейцы добивались придания официального статуса корейскому языку. В архиве Канского окружкома

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1854. Л. 18.

⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 64. Л. 29-30.

ВКП(б) сохранились протоколы партийных собраний. В документах, например, зафиксировано выступление активиста «Ен-ди-ен», который заявил: «Начальник клуба не отметил работу среди национальных меньшинств. И правление клуба этот вопрос не учитывало. А у нас в полку национальных меньшинств немало и работы среди национальных меньшинств нет. Основной вопрос о кино. Зачастую в батальоне кино приходят и смотрят, а самое содержание не знают. Чтобы дать определенное знание, надо чтобы можно было перевести содержание на корейский язык»¹⁰.

Корейцы временами напрямую ставили вопросы межнациональных отношений. Например, в прениях по докладу командира полка о боевой подготовке воинской части в феврале 1929 г. выступил Семен Пак, речь которого была переведена на русский язык и застенографирована. В документе говорится: «Докладчик своевременно поставил вопрос о национальном антагонизме. В полковой школе 5 национальностей, из которых большинство русских товарищей. Существует ли там национальная рознь? Да она существует в виде высмеивания. Также, если строятся там, то корейцев в виду того, что они не знают русского языка, русские товарищи выталкивают из строя, а становятся сами»¹¹. И это было не единственное критическое выступление по проблемам межнациональных отношений, корейцы жаловались на то, что их обижают в столовой, обзывают фазанами и проч.

В 1920-х гг. в Красной армии отсутствовала национальная и расовая дискриминация, а корейцы не проявляли сепаратистских настроений, в том числе и по части службы в армии. Красноармейцы-корейцы нередко занимали должности младших командиров. Кроме того, корейцы получали образование в военных учебных заведениях. Например, в 1925 г. в Ленинградской военной (радио-) школе связи с Курсами усовершенствования комсостава (ЛВШСсКУКС) обучалось 7 корейцев [3, с. 474].

В числе проблем, отмечаемых в документах, называлось недоверие русских красноармейцев к корейцам-командирам. Особенно ярко это проявилось во время обострения международных отношений и начала советско-китайского конфликта. В докладе о состоянии частей 12-й территориальной дивизии за август 1929 г. «Реагирования на последние события (о войне и КВжд)» были приведены следующие антикорейские высказывания: «"Прежде чем идти на войну, нужно убрать от нас командиров – корейцев, они нас могут подвести в боях" (пер. 1-й роты 35 п. СКРИПЧЕНКО бедняк, б/п.); в роте 2 корейских командира. Если будет только война, то нам надо сначала подавить всех корейцев, которые у нас командирами, тогда идти воевать, а то они на фронте повернут на свою сторону" (пер.2 р.35 п. КОЗОРЕЗОВ, б/п., середняк). Аналогичное толкование на начсостав из корейцев в полку имеет не единственный характер»¹².

Несмотря на русско-корейские противоречия в Красной армии, корейцы-красноармейцы наряду с представителями других национальностей

¹⁰ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹¹ ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 64. Л. 30.

принимали участие в боях с китайской армией во время советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. Современные исследователи пишут: «В армию были привлечены и национальные части и подразделения... один батальон состоял из корейцев» [8, с. 68]. Показательным историческим документом является рукопись воспоминаний участника советско-китайского конфликта на Забайкальском участке границы младшего командира Николая Михайловича Кима «Событие на КВЖД в 1929 году»¹³.

Вообще, во время конфликта в Красную армию призвали многих советских корейцев. Известный деятель корейского революционного движения Ли Инсеб вспоминал: «В 1929 г., во время конфликта на КВЖД, меня отправили в штаб Приморской группы Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, где проработал до окончания конфликта» [1, с. 122]. В советско-китайском конфликте принимали участие будущие участники Великой Отечественной войны: Кан (Тхядун) С. В., Ким Ф.И., Ким Н. А., Цой П. И. Корейцы были среди награжденных за боевые отличия красноармейцев и командиров. В частности, орденом Красного Знамени был награжден Семен Васильевич Кан. В числе погибших в бою за Чжалайнор 17 ноября 1929 г. был курсант полковой школы 105-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии, уроженец села Благовещенское Амурской области кореец-красноармеец А. Г. Цхэ¹⁴.

В 1930-х гг. корейцы продолжали служить в Красной армии, некоторые делали успешную военную карьеру. Исследователи приводят факты службы корейцев в Красной армии, в том числе и на командных должностях: «В 1934 г. ... в своих должностях были утверждены: И. П. Пак, Н. Н. Ан из 36-й стрелковой дивизии ОКДВА. В списках личных дел, отправленных в Забайкальский и Сибирский военные округа в 1934-1935 гг., значатся также политрук роты 105-го стрелкового полка Н. И. Ким, помощник командира по политической части 3-й учебной роты 107-го стрелкового полка Н. Ф. Ким, политрук полковой школы 280-го стрелкового полка Т. А. Пак...» [9, с. 109].

Уже в середине 1930-х гг. корейцы нередко стали подвергаться преследованиям и увольняться из армии по разным причинам. На это, в частности, указывает исследователь Ж. Г. Сон: «С 1930 по 1937 г. в ОКДВА, Забайкальской группе, Сибирском военном округе, Тихоокеанском флоте было уволено и арестовано 97 корейцев комначсостава...» [Там же, с. 113]. Однако до 1937 г. большевики не проводили репрессий и дискриминации по национальному признаку.

Служба корейцев в Красной армии как пример успешного вовлечения корейцев в семью советских народов использовалась в советской пропаганде до середины лета 1937 г. В газете «Тихоокеанская звезда» в июне 1937 г. в описании корейского колхоза «Крепость» в Приморье говорилось: «Несколько юношей из «Крепости» служат в Красной армии. В прошлом году Хан Андрей окончил военную академию, Цой Иннокентий – лейтенант-летчик, Хасан Алексей – старший лейтенант. В самом колхозе работают сейчас

¹³ Военно-исторический музей Восточного военного округа. Кор. 47.

¹⁴ Книга памяти 1923–1939. URL: <http://www.patriot-izdat.ru/memory/memory-1923-1939/?letter=3&page=4> (дата обращения: 06.06.2020).

7 бывших красноармейцев, 5 из них – младшие командиры... Юноши мечтают о Красной армии, о званиях лейтенантов»¹⁵.

Старт массовым репрессиям в отношении корейцев в СССР был дан статьей «Подрывная работа японской разведки», опубликованной в газете «Правда» 9–10 июля 1937 г. Национальные части и формирования в РККА были ликвидированы в 1938 г. Корейцы как представители «неблагонадежной национальности» увольнялись из рядов Красной армии даже во время Великой Отечественной войны. Как указывают исследователи, «под призывом в армию военкоматы вместо фронта отправляли советских корейцев как «неблагонадежных» в трудовые колонны и батальоны» [2, с. 44]. Лишь немногим корейцам удалось попасть в действующую армию, исследователи смогли установить имена около 400 корейцев-фронтовиков Великой Отечественной войны [11].

Таким образом, служба корейцев в Красной армии стала важной и интересной страницей истории советских корейцев и русско-корейских взаимоотношений в СССР. Несмотря на полувековой опыт русско-корейского сотрудничества, на жесткую политику интернационализма государства и правящей партии в СССР, в Красной армии наблюдались проблемы и противоречия во взаимоотношениях между русскими и корейцами. Отсутствие в армии расовой и национальной дискриминации не исключало проблем и противоречий на межнациональной почве во взаимоотношениях между военнослужащими. Тем не менее история службы корейцев в Красной армии показывает, что на протяжении первых двух десятилетий советской истории корейцы имели равные права и возможности с представителями других национальностей. Межнациональные противоречия в тот период не переходили на уровень конфликта и не оказывали серьезного влияния на боеспособность Красной армии. Репрессивная политика Советского государства в отношении корейцев и отстранение их от службы в армии в конце 1930-х гг. не были следствием проблем в межнациональных отношениях, не вызывались опытом службы корейцев в Красной армии, а были вызваны иными причинами и факторами.

Список литературы

1. Александра Петровна Ким-Станкевич. Очерки, документы и материалы. М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 240 с.
2. Бугай Н. Ф. Актуальные проблемы истории российских корейцев на постсоветском пространстве в дискуссиях ученых // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах. СПб.: Скифия-принт, 2015. 420 с.
3. Вязовикова Л. В. Работа с «нацменьшинствами» и другие аспекты деятельности военно-учебных заведений Петрограда – Ленинграда в 1920-е гг.: по вновь рассекреченным материалам ЦГАИПД СПб // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза: материалы II Межвуз. науч.-метод. конф. 2019. С. 471–483.
4. Голиков В. И. Стрелковые формирования Красной Армии в Сибирском военном округе. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2006. 413 с.
5. История 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск: Подив 26 и Енгубком Р.К.П., 1925. 72 с.

¹⁵ Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 336.

6. Ким Мангын (И. С. Серебряков). М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. 212 с.
7. Матвеев А. А. Китайцы и корейцы в составе Интернационального полка 5-ой отдельной армии в 1920 году // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Всеволода Ивановича Дулова. Иркутск, 2020. С. 159–164.
8. Подустов Ф. Н. Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (191-1938) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 165–169.
9. Сон Ж. Г. Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии // Российская история. 2009. № 2. С. 107–114.
10. Чхве Джэхён (Цой Петр Семенович) / сост. Б. Д. Пак, В. В. Цой. М. : ИВ РАН, Крафт+, 2010. 352 с.
11. Шин Д. В., Пак Б. Д., Цой В. В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : ИВ РАН, 2011. 615 с.

Koreans in the Red Army. On the Problem of Russian-Korean Relations in the Soviet Union

V. G. Datsyshen

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract. The problems of Korean service in the Red Army are considered. It is noted that Koreans, both Russian citizens and emigrants from Korea, voluntarily joined the Red Army from the first days of its existence, and then Soviet Koreans were drafted into it on a general basis. Most of the Koreans served in the Siberian Military District and in the Special Far Eastern Army. Special attention is paid to the problems of Russian-Korean relations. The conclusion is made that the absence of racial and national discrimination in the Red Army did not exclude problems and contradictions in the relations between Russian and Korean servicemen. But these problems did not have a serious impact on the combat capability of the Red Army

Keywords: Koreans in the Red Army, Siberia and the Far East, 26th rifle division, interethnic relations.

For citation: Datsyshen V. G. Koreans in the Red Army. On the Problem of Russian-Korean Relations in the Soviet Union. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 102-110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.102> (in Russian)

References

1. Alexandra Petrovna Kim-Stankevich. *Ocherki, dokumenty i materialy* [Essays, documents and materials]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2008, 240 p. (in Russian)
2. Bugai N.F. Aktualniye problem istorii rossiiskih koreitsev na postsovetskom prostranstve v diskussiyah uchyonih [Actual problems of the history of Russian Koreans in the post-Soviet space in the discussions of scientists]. *Noviye tendentsii sociokulturnih izmenenii v koreiskom i rossiiskom obshestvah* [New trends in socio-cultural changes in Korean and Russian societies]. Saint Petersburg, Skifiya print Publ., 2015, 420 p. (in Russian)
3. Vyazovikova L.V. Rabota s “nacmeshinstvami” i drugie aspekty deyatelnosti voenno-uchebnyh zavedenij Petrograda – Leningrada v 1920-e gg.: po vnov rasskrechennym materialam CGAIPD Spb [Work with “national minorities” and other aspects of the activities of the

military educational institutions of Petrograd – Leningrad in the 1920s.]. *Russkij yazyk v polietnicheskom obrazovatelnom prostranstve voennogo vuza. Materialy II Mezhvuzovskoj nauchno-metodicheskoj konferencii* [Russian language in the multiethnic educational space of a military university. Materials of the II Interuniversity Scientific and Methodological Conference], 2019, pp. 471-483. (in Russian)

4. Golikov V.I. *Strelkovye formirovaniya Krasnoj Armii v Sibirskom voennom okruge* [Rifle formations of the Red Army in the Siberian Military District]. Tomsk, Publishing house of Scientific and technical literature, 2006, 413 p. (in Russian)

5. *Istoriya 26-j Zlatoustovskoj strelkovoj divizii* [History of the 26th Zlatoust Rifle Division]. Krasnoyarsk, Podiv 26 i Engubkom R.K.P., 1925, 72 p. (in Russian)

6. *Kim Mangyn (I.S. Serebryakov)*. B.D. Pak, Yu.V. Vanin, Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2001, 212 p. (in Russian)

7. Matveev A.A. Kitajcy i korejcy v sostave Internacionalnogo polka 5-oj otdelnoj armii v 1920 godu [Chinese and Koreans in the International Regiment of the 5th Separate Army in 1920]. *Sibir v izmenyayushemsya mire. Istoriya i sovremennost. Materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, posvyashennoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova* [Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the All-Russian scientific-theoretical conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov]. Irkutsk, 2020, pp. 159-164. (in Russian)

8. Podustov F.N. Nacionalnye voinskie formirovaniya Krasnoj armii v Sibiri i na Dalnem Vostoke (1919-1938) [National military formations of the Red Army in Siberia and the Far East (1919-1938)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2005, no. 288, pp. 165-169. (in Russian)

9. Son Zh.G. Problemy nacionalnyh menshinstv v Krasnoj armii 1930-h godov (na primere korejcev v osoboj Krasnoznamennoj dalnevostochnoj armii) [Problems of national minorities in the Red Army of the 1930s (on the example of Koreans in the special Red Banner Far Eastern Army)]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2009, no. 2, pp. 107-114. (in Russian)

10. *Chhve Dzhehyon (Coy Petr Semenovich)*. B.D. Pak, Yu.V. Vanin. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., Kraft+ Publ., 2010, 352 p. (in Russian)

11. Shin D.V., Pak B.D., Tsoy V.V. *Sovetskie korejcy na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.* [Soviet Koreans on the fronts of the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2011, 615 p. (in Russian)

Дацышен Владимир Григорьевич

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт демографических
исследований ФНИСЦ РАН;
Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева;
Россия, 660049, г. Красноярск,
ул. Ады Лебедевой, 89.
e-mail: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigoryevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Chief Scientific Researcher; Institute for
Demographic Research FCTAS RAS;
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049,
Russian Federation
e-mail: dazishen@mail.ru